

Казбеков Б.К., д-р. экон. наук, проф.
Казбекова Ж.Б., Ph.D., и.о. доцента
Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Казахстан
Казбекова С.Б., аспирант Московский институт стали и сплавов, Россия
Участники конференции, Национального первенства по научной аналитике, Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

ОСВОЕНИЕ РЕСУРСОВ КАСПИЯ И ИМПЕРАТИВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ КАЗАХСТАНА

Освоение ресурсов Каспия обусловлено потенциальными запасами углеводородов в регионе Каспийского моря, которые оцениваются по разному. Так, по мнению эксперта из Германии Матиас Адольфа здесь сосредоточено примерно 3,5% всех мировых резервов нефти и 4,3% газа. Ряд экспертов считает, что подобные данные являются завышенными, хотя все они едины в том, что в наступившем столетии регион будет занимать видное место в мире среди стран, добывающих энергоресурсы. Например, в 2010 году здесь добыто 146 млн тонн нефти, при том, что сам регион потребляет только 32 млн тонн. Это является свидетельством наличия большого экспортного потенциала [1].

Для Казахстана, также как и Азербайджана и Туркмении, нефть и газ Каспия, представляет собой важнейший источник средств для преодоления накопившихся социально-экономических проблем и возможность дальнейшего развития страны. Казахстан, в советское время добывавший только 26 млн. тонн нефти, за годы независимости в соответствии с принятой программой освоения энергоресурсов Каспия путем привлечения иностранных инвестиций быстро увеличивает объем добычи нефти, достигшего в 2010 г. – 80 млн. тонн и ее поставок на мировой рынок.

Однако подобная стратегия развития национальной экономики через освоение энергоресурсов Каспия различными слоями общества воспринимается неоднозначно. Например, казахстанские и российские ученые уникальное Каспийское море видят через призму усеянных нефтяных вышек и заставленную браконьерскими сетями. Они выражают обоснованные опасения, что в погоне за нефтедолларами можно потерять, например, осетров, составляющих здесь 90% всех мировых запасов, другую каспийскую и волжскую ценную рыбу, загубить само море и весь регион. Сейчас компании, разрабатывающие нефтяные месторождения платят за загрязнение Каспийского моря в 90 раз меньше, чем объем реального загрязнения! Действительно, транснациональным нефтедобывающим компаниям ввиду слабого международного и отсутствия действенного национального контроля намного легче сбрасывать отходы

в море, чем их вывозить и утилизировать. И парадокс здесь состоит в том, что нефть, будучи невозможным сырьем, по мере добычи безвозвратно теряется, а, сохраняя восполняемые биоресурсы, можно было бы обеспечить себя на столетия вперед, поскольку рыбные запасы Каспия оцениваются в полтора триллиона долларов, и это больше чем нефтяной потенциал, т.е. очевидно, что заниматься рыбным промыслом экономически и экологически гораздо выгоднее[2].

Другим важным обстоятельством, накладывающим серьезные требования на процессы освоения ресурсов моря выступает геополитическое положение стран Каспийского бассейна, в современных условиях глобализации расположенных в зоне жизненных интересов ведущих государств мира. Основными проблемами региона являются: наличие спорных месторождений на Каспии, Иран, настаивающий на 20% территории Каспия и проблема экологии. Вопрос спорных месторождений на Каспии до сих пор не может урегулироваться и в ближайшем будущем вряд ли имеет решение. Претензии Ирана не устраивают всех остальных, а проблеме экологии Каспия вообще уделяется мало внимания. Пока идут споры, как уже говорилось, Каспий осваивается преимущественно иностранными компаниями, которым дешевле заплатить за нарушения экологических норм, чем соблюдать их [1].

Важнейшим императивом освоения, воспроизводства и устойчивого развития ресурсов Каспия выступает

необходимость скорейшего преодоления неопределенности правового статуса Каспийского моря. В ноябре 2010 г. в Баку прошел саммит глав прикаспийских стран, на котором основной вопрос – правовой статус Каспийского моря и принципы его раздела – так и не был решен. По прошествии 20 лет переговорного процесса видно, что вопрос все еще находится в подвешенном состоянии и это ставит под сомнение проводящиеся сегодня работы по разработке и использованию ресурсов этого региона.

К примеру, инициативу президента Казахстана о введении моратория на вылов осетровых в акватории Каспийского моря поддержали четыре прикаспийских государства, но Туркменистан отказался присоединиться к этим договоренностям. Между тем ситуация в сфере рыболовства и сохранения водных биоресурсов Каспия и впадающих в море рек и водоемов как уже говорилось, оставляет желать много лучшего. В настоящее время в список находящихся под угрозой вымирания осетров Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, внесла все четыре вида осетровых, которые распространены на Каспии. Это белуга, шип, длинноносый осетр и севрюга[3].

Существует благодушное мнение, будто имеющиеся в Казахстане проблемы экологии «от лукавого», т.е. они локальны и конкретны в каждом городе и регионе. Так, оценка состояния экологии Казахстана в целом по сравнению с другими странами

показывает, например, что эмиссия углекислого газа (выбросы экв. CO₂ на единицу площади (тонн/кв.км.)) составила 79,42. При этом у нас выбросы на ед. площади меньше в сравнении с Россией – в 1,23 раза, Норвегией – в 1,56 раза, США – в 7,46 раза, Китаем – 8,24 раза, Великобританией – 28,56 раза (из отчета энергетической статистики США) [4]. Подобное кажущееся экологическое благополучие складывается из средних показателей взвешенных по всей протяженной территории страны и малой плотности населения Казахстана. Но это чисто внешняя картина, к сожалению, вуалирует и вовсе не отражает реального состояния экологии во многих местах, да и страны в целом. Например, величина экологического ущерба, нанесенного ТНК в регионе Каспийского моря, испытаниями ядерного оружия в районе Семипалатинского полигона, катастрофой Аральского моря, происходящего на наших же глазах отвода Китаем части стока рек Или и Иртыша и целого ряда других объектов, по масштабу приравнивается к мировым. Их наличие на живом теле природы Казахстана не дает ни малейшего повода для самоуспокоения и благодушия в отношении рассматриваемой проблемы.

Форсированное трехкратное увеличение добычи нефти в Каспийском регионе менее чем за два десятилетия не проходит бесследно для природы Каспия. Одной из серьезных экологических проблем региона выступает никем не контролируемое тотальное загрязнение морской воды и дна морского шельфа (сток загрязняющих веществ, поступающих в море от буровых установок и хозяйственно-бытовых отходов жилых плавучих комплексов), земной поверхности (огромные пятна разлившейся нефти) и постоянное отравление окружающего воздуха парниковыми газами (при сжигании попутного газа в факелах), а также потенциальная угроза возникновения масштабных техногенных катастроф, связанных с массивным освоением углеводородных ресурсов в Каспийском море (наподобие аварии в Мексиканском заливе). Ухудшение состояния здоровья населения, исчезновение многих видов фауны и флоры

региона (например, резкое уменьшение рыбных запасов, птицы, массовая гибель каспийских тюленей) лишь некоторые результаты происходящего сегодня на Каспии.

Из изложенного видно, что наряду с необходимостью безотлагательного урегулирования правового статуса Каспийского моря в качестве основной проблемы выдвигается также и экология региона, поскольку высказанный учеными прогноз относительно будущего Каспия предельно конкретен и суров. А именно, в случае сохранения современного масштаба добычи и потребления углеводородного сырья, а также характера и масштабов загрязнения окружающей среды через 50 лет в Каспии закончатся биоресурсы, через 100 лет – нефть. Потомкам останется мертвое море [2]. Чтобы избежать подобный исход событий необходимо срочно принять комплекс научно-обоснованных и взаимосогласованных радикальных мер на глобальном, региональном и национальном уровнях включая законодательные с соответствующими экономическими, социальными и экологическими механизмами. Следует от принципов неоллиберальной модели глобализации перейти на стратегию устойчивого развития национальной экономики.

Необходимость и неизбежность перехода существующих мировых систем хозяйствования на рельсы устойчивого развития сейчас не вызывает ни у кого серьезного сомнения [5, 6]. Это обусловлено, прежде всего, тем, что существующая индустриальная цивилизация основана на интенсивном использовании невозобновляемых минерально-сырьевых ресурсов [7]. Такая форма жизнедеятельности ставит под сомнение неотъемлемое право всех будущих поколений иметь такие же возможности по доступу к ресурсам и социальному благу, которые мы имеем сейчас. Под сомнение ставится сама ценность социального и научно-технического прогресса, развернувшегося в прошлом столетии. Альтернативой подобному тупиковому развитию современной индустриальной цивилизации является переход к устойчивому развитию, провозгласившему принцип равных

возможностей для всех будущих поколений.

Таким образом, устойчивое развитие предполагает повышение качества жизни всего населения планеты без увеличения масштабов использования природных ресурсов до степени, превышающей возможности Земли как экологической системы. Усилия по формированию устойчивого образа жизни предполагают комплексный подход к деятельности в трех ключевых областях или в трех измерениях: Экономический рост и справедливость – применение комплексного подхода к стимулированию долгосрочного экономического роста. Сохранение природных ресурсов и охрана окружающей среды – поиск экономически приемлемых решений проблемы сокращения потребления ресурсов, прекращения загрязнения окружающей среды и сохранения природной среды обитания. Социальное развитие – удовлетворение потребностей людей в рабочих местах, продовольствии, образовании, энергии, медицинской помощи, воде и санитарии; бережное отношение к богатому культурному и социальному разнообразию и соблюдение прав трудящихся; обеспечение возможностей всех членов общества участвовать в принятии решений, влияющих на их дальнейшую судьбу.

Экономическое измерение.

Ориентация процесса развития только на традиционные экономические показатели более неприемлема. Необходимо найти приемлемый баланс между экономическим развитием и сохранением природы. Иными словами, при расчете ВВП конкретных стран необходимо принимать во внимание не только наращивание создаваемой человеком капитала, но и сокращение (расход) «природного капитала». Поэтому чисто экономический подход при оценке ВВП должен быть заменен методами, используемыми в экологической экономике. Погоня за максимальной прибылью не может более рассматриваться как основная движущая сила развития. Рыночная система хозяйствования будет становиться все более и более регулируемой со стороны правительств и парламентов. В изложенных принципах очевидна социоприродная сущность модели УР

(включая экологические, экономические и социальные императивы).

Одна из основных проблем перехода на путь УР – как распределять природно-ресурсную ренту, т.е. разницу между ценой, по которой продается природный ресурс, и расходами на его добычу, включая нормативную прибыль. Если износ капитала учитывается, то износ и истощение природных ресурсов до недавнего времени, да и сейчас, не учитываются. Отсюда заниженная доля учета природных ресурсов в общемировом доходе, что невыгодно для развивающихся стран и выгодно для стран «золотого миллиарда». Цены труда и капитала не уравниваются ценой природных ресурсов, что нарушает принцип эквивалентного обмена в условиях рынка, свободу и равенство обмена товаров. В условиях такого неэквивалентного обмена та часть дохода, которая остается от труда и вложения капитала, т.е. земля и природные ресурсы, согласно академику Д.С. Львову, должны быть собственностью государства, всего общества в целом. Необходимо принятие государственных решений в области перераспределения природно-ресурсной ренты в целях перехода на новую цивилизационную парадигму. «Природная рента» может оказаться наиболее важным источником финансовых средств, которые ускорят переход на путь устойчивого развития [8].

Экологическое измерение.

Целью «Концепции перехода Республики Казахстан к устойчивому развитию на 2007-2024 годы», одобренной Указом Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева от 14 ноября 2006 года № 216 является достижение баланса экономических, социальных, экологических и политических аспектов развития Республики Казахстан как основы повышения качества жизни и обеспечения конкурентоспособности страны в долгосрочной перспективе. Для достижения указанной цели необходима реализация следующих задач в области устойчивого развития.

1. Повышение показателя ЭИР (эффективность использования ресурсов) до 37% к 2012 году, 43% к 2018 году и 53% к 2024 году

2. Увеличение средней продолжительности жизни населения до 68 лет

к 2012 году, 70 лет к 2018 году, 73 лет к 2024 году при поддержании показателя рождаемости на уровне не ниже 18-22 родившихся на 1000 человек населения

3. Увеличение индекса экологической устойчивости на 10% к 2012 году, 15% к 2018 году, 25% к 2024 году и др. [9].

Однако на пути достижения цели и задач данной Концепции и других моделей устойчивого развития, разработанных на основе неоклассической модели Киотского протокола и связанных с ним сценариях глобального потепления и его экономических последствий (доклад Н. Стерна и др.), рассматривающих сокращение выбросов парниковых газов как функцию изменения технологий, последняя преимущественно задается как экзогенный фактор. При этом не учитывается взаимосвязь технологий и их разнообразие – т.е. множественность (специфичность) вариантов и способов снижения рисков климатических изменений и адаптации к ним национальных экономик [10]. При таком подходе не учитываются (или серьезно недоучитываются) два важных фактора. Во-первых, «неклиматические» экономические выгоды от указанной модернизации. Во-вторых, недоучитываются факторы времени, реально необходимого для перехода к технологическому укладу, обеспечивающему снижение экологических и экономических рисков климатических изменений; прежде всего, для разработки, апробации и применения рентабельных энергосберегающих технологий.

По указанным причинам возможности традиционной экономической теории как методологической базы эффективной политики устойчивого развития, в том числе снижения экологических и экономических рисков климатических изменений, очевидно ограничены. По мнению Б.Н. Порфирьева необходима другая теоретическая база, увязывающая экономический рост, технологический переход и снижение указанных рисков в единую стратегию в отношении глобального потепления, которая может быть только долгосрочной, учитывая инерционность климатических изменений и

огромную сложность решаемой проблемы. Такую теорию, очевидно, еще предстоит создать, однако уже сейчас представляется возможным определить ее контуры в рамках институционально-эволюционного подхода [10].

Социальное измерение.

Львиную долю вины за мировой кризис большинство политиков и ученых возлагают на рыночный фундаментализм, согласно которого никем не сдерживаемые рынки могут сами по себе обеспечить экономическое процветание и рост [11]. Проведение политики по неолиберальной модели, основанной на рыночном фундаментализме в странах с переходной экономикой, в частности, в Казахстане привело к экономическому спаду, росту безработицы, снижению уровня жизни и резкой имущественной дифференциации населения [12].

По данным заведующего Центром теории социально ориентированной экономики Института экономики НАН РК Аманжолы Кошанова децильный коэффициент (соотношение между доходами 10% богатых и 10% бедных) по итогам 2011 года в Казахстане вырос до 29 раз. По итогам 1992 года разрыв составлял 8, в 2010 году уже 13,9 [13]. В этой связи, далеко не случайным является выступление лауреата Нобелевской премии Эдварда Прескотта 23 мая 2012 г. на V Астанинском экономическом форуме, когда он для борьбы с бедностью в Казахстане предложил: одну часть дохода поступившей от нефти переводить на депозит каждого казахстанца [14].

Отсюда видно, что сохранение биосферы как естественной основы социального развития требует первостепенного внимания. В настоящее время это выражается в тенденции замены стратегии техногенного развития на основе Парадигмы человеческой исключительности (где человек полагается венцом, покорителем природы) стратегией социоприродного развития.

Резюмируя все вышеизложенное можно отметить, что для успешного перевода процессов освоения ресурсов Каспия в рамки новой цивилизационной экологической парадигмы, предполагающей обеспечение

единства социального и экологического аспектов развития необходимо:

- все вопросы по урегулированию правового статуса Каспийского моря, достижению других договоренностей необходимо решать в связи со стратегией снижения рисков климатических изменений в рамках международного сотрудничества исходя из принципов устойчивого развития национальных экономик стран региона с учетом требований как наднационального так и национального уровней управления;

- в процессе международного сотрудничества странам Каспия руководствоваться приоритетом сохранения имеющейся естественной экосистемы региона, рационального земле- и ресурсопользования, воплощающих принципы экологического императива и коэволюционного развития человека и биосферы;

- создание и реализация странами Каспийского региона согласованных и эффективных экономических, экологических и социальных механизмов снижения рисков, смягчения последствий климатических изменений и адаптации к ним в рамках институционально-эволюционного подхода как наднациональном, так и национальном уровнях;

- создание межгосударственной

системы регулирования выбросов парниковых газов в регионе Каспийского моря;

- осуществление регионального мониторинга состояния, воспроизводства и потребления возобновляемых и невозобновляемых природных ресурсов Каспийского моря в тесной связи с глобальной системой учета размещения ресурсов по странам, основанных на полных и точных данных обо всей мировой системе, вариантах возможного перераспределения ресурсов между странами.

Литература:

1. Чулпан Гумарова «Море прекновения». Капитал, 15 марта 2012 г.
2. Ольга Малахова «Потерянный рай, или трудно не плюнуть в каспийский колодезь» Казахстанская правда, от 10.11.2003 г.
3. Сергей Расов «Елбасы заблокировал Бердымухаммедов» Республика. 23.03.2012 г.
4. АлматАзادي «Мифология энергетики Казахстана». Обществ. позиция. 06.06.2012 г.
5. Наше общее будущее. Доклад международной комиссии по окружающей среде и развитию / пер. с англ.; под ред. С.А. Евтеева и Р.А. Перелета. М., 1989.
6. Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию./

Устойчивое развитие и «Повестка дня на 21 век». Под ред. Воропаевой. – СПб: СПбГУ.–1999. С.75-80.

7. Повестка дня на XXI век. Конференция ООН по окружающей среде и развитию. Рио-де Жанейро. 3-14 июня, 1992.

8. Львов Д.С. Экономика развития. М., 2002.

9. Концепция перехода Республики Казахстан к устойчивому развитию на 2007-2024 годы». Одобрена Указом Президента Республики Казахстан Н.А.Назарбаева от 14 ноября 2006 года № 216. Астана, 2006.

10. Б.Н. Порфирьев Экономика климатических изменений. – М.: Анкил, 2008.–168 с.

11. Стиглиц Дж. Е. Крутое пики: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса/ Стиглиц Джозеф ; [пер. с англ. В. Лопатка]. – М.: Эксмо, 2011. -512 с.

12. Казбеков Б.К., Ермекебаева Б.Ж, Казбекова Ж.Б., Казбекова С.Б. Государственное регулирование экономики: учебник / - Алматы: Казак университеті, 2011. – 290 с.

13. Аманжол Кошанов «Богатые богаче в 30 раз всех нас» для «Каравана» Правда Казахстана от 24 мая 2012 г.

14. Прескотт Эдвард лауреат Нобелевской премии. Выступление 23 мая 2012 г. на сессии «Макроэкономическая политика, макроэкономическое прогнозирование и методы регулирования» V Астанинского экономического форума. Астана, Казахстан.

